

КРАУЧ-ЭНД, ЛОНДОН

Бутылка вина. Семейная упаковка начос из тортильи со вкусом сыра и баночка острого соуса сальса. Пачка сигарет под рукой — каюсь, каюсь! Капли дождя, барабанившие по окну. И книга.

Ну что может быть лучше?

«Английские сорочки убийства» были девятой частью любимой и популярной во всем мире детективной серии про Аттикуса Пюнда. Когда тем дождливым августовским вечером я впервые открыла эту книгу, она существовала только в виде распечатанной на принтере рукописи, и моей задачей было отредактировать ее перед изданием. Но прежде всего я собиралась насладиться ею. Помнится, едва войдя в дверь, я направилась на кухню, вынула из холодильника вкусняшки и положила их на поднос. Потом разделась, разбросав где попало вещи. В квартире все равно царил бардак. Я приняла душ, вытерлась и нырнула в просторную футболку с Мэйзи Маус, которую мне подарили на книжной ярмарке в Болонье. Час был слишком ранний, чтобы ложиться, но я плюхнулась на кровать, неубранную еще с прошлой ночи. Обычно для меня это не характерно, но мой бойфренд уехал на шесть недель, а оставаясь в одиночестве, я сознательно понижаю стандарты. В неразберихе определенно есть что-то успокаивающее, тем более когда рядом нет никого, кто на нее сетует.

Вообще-то, мне жутко не нравится это слово — «бойфренд». Особенно в отношении мужчины пятидесяти двух лет, дважды разведенного. Беда в том, что в английском языке не подыскать толковой замены. Сожите-

лем Андреаса не назовешь — для этого мы слишком редко встречаемся. Любовник? Моя вторая половина? По различным причинам оба определения заставляют меня поморщиться. Он приехал с Крита. Андреас преподавал древнегреческий в Вестминстерской школе и снимал квартиру в Мейда-Вейл, неподалеку от меня. Мы поговаривали о том, чтобы съехаться, но опасались, что это станет концом наших отношений, поэтому, хотя в моем гардеробе было полно вещей Андреаса, его самого рядом со мной частенько не доставало. Так было и в тот раз. Андреас уехал на время школьных каникул, чтобы побыть с семьей. Его родители, вдовья бабушка, двое несовершеннолетних сыновей и брат бывшей жены жили в одном доме, образуя запутанный клубок родственных связей, который грекам, похоже, по вкусу. Вернуться он должен был не раньше вторника, накануне начала занятий, и увидеться мы могли только в следующие выходные.

Так что я жила сама по себе в своей квартире в Крауч-Энде, размещавшейся в цокольном этаже викторианского дома на Клифтон-роуд, минутах в пятнадцати ходьбы от станции метро «Хайгейт». Наверное, это было самое разумное из моих приобретений. Мне нравилось жить там. Там было тихо и уютно, нам на двоих с хореографом со второго этажа принадлежал садик, но моя соседка почти не появлялась в нем. У меня, понятное дело, было слишком много книг. Каждый дюйм на полках был занят. Книги лежали поверх других книг. Сами полки прогибались под их весом. Вторую спальню я переоборудовала под кабинет, хотя старалась не работать дома. Им чаще пользовался Андреас, когда жил у меня.

Я откупорила вино. Отвинтила крышку с сальсы. Закурила сигарету. И начала читать книгу, как это делаете сейчас вы. Но прежде чем вы приступите, я обязана вас предупредить.

Эта книга изменила мою жизнь.

Вероятно, вам и прежде доводилось встречать подобное утверждение. Со стыдом говорю, что поместила это признание на обложку моего первого романа, весьма по-

средственного триллера про Вторую мировую войну. Кто-то, не помню, кто именно, сказал, что книга способна изменить вашу жизнь только одним способом — свалившись вам на голову. Никогда не забуду, как совсем еще девочкой я читала сестер Бронте и влюбилась в их мир: мелодрама, живописные пейзажи, очарование готики и тому подобное. Вы вправе решить, что увлечение «Джен Эйр» и подтолкнуло меня к издательской деятельности, но в свете случившегося в этом угадывается некая ирония. Есть немало книг, глубоко меня затронувших: «Не отпускай меня» Исигуро¹, «Искушение» Макьюэна². Говорят, что под воздействием феномена Гарри Поттера дети буквально хлынули в школы-пансионы. Бесспорный факт, что есть книги, оказывающие огромное влияние на наше мировоззрение. «Любовник леди Чаттерлей» — один очевидный тому пример, «1984» — другой. Но мне кажется, едва ли имеет значение, что именно мы читаем. Наша жизнь катится по проложенным с самого начала рельсам. Художественная литература способна лишь на миг приоткрыть нам альтернативу. Возможно, из-за этого мы ее так любим.

Но «Английские сорочки убийства» в самом деле изменили для меня все. Я больше не живу в Крауч-Энде. Я оставила работу. Растеряла большинство друзей. Тем вечером, перевернув первую страницу распечатки рукописи, я понятия не имела, что отправляюсь в плавание. И честно признаться, если бы знала об этом, то едва ли согласилась подняться на борт. Это мерзавец Алан Конвей виноват во всем. Я с первого взгляда прониклась к нему неприязнью, хотя, странное дело, мне всегда нравились его книги. Как по мне, так нет ничего лучше хорошего детектива: крутые повороты и загадки, подсказки

¹ *Кадзуо Исигуро* (р. 1954) — английский писатель японского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 года. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² *Иэн Макьюэн* (р. 1948) — английский писатель, сценарист и драматург, лауреат премии Сомерсета Моэма, Букеровской премии и других наград.

и ложные улики и, наконец, облегчение, когда все разъясняется, причем таким образом, что ты кусаешь себе локти — ну как можно было не заметить разгадки с самого начала?

Начиная читать, я примерно этого и ожидала. Однако «Английские сорочки убийства» оказались не такими. Совсем не такими.

Надеюсь, мне нет нужды снова это повторять. В отличие от меня, вы предупреждены.

АЛАН КОНВЕЙ

АНГЛИЙСКИЕ СОРОЧЬИ УБИЙСТВА

РАССЛЕДОВАНИЕ АТТИКУСА ПЮНДА

ОБ АВТОРЕ

Алан Конвей родился в Ипсуиче, окончил школу в Вудбридже, затем с отличием Университет Лидса по специальности «английская литература». Позже поступил возрастным студентом в Университет Восточной Англии, чтобы изучать писательское мастерство. Следующие шесть лет Конвей работал учителем, пока в 1995 году его роман «Аттикус Пюнд расследует» не добился успеха. Книга двадцать восемь недель продержалась в списке бестселлеров «Санди таймс» и удостоилась премии «Золотой кинжал», присуждаемой Ассоциацией писателей детективного жанра за лучший детектив года. С тех пор во всем мире продано восемнадцать миллионов экземпляров книг про Аттикуса Пюнда, они переведены на тридцать пять языков. В 2012 году Алан Конвей был удостоен ордена Британской империи за вклад в литературу. Он имеет ребенка от первого брака и проживает во Фрамлингеме в Суффолке.

Книги серии «Аттикус Пюнд»:

- «Аттикус Пюнд расследует»
- «Нет покоя нечестивым»
- «Аттикус Пюнд берется за дело»
- «Гость приходит ночью»
- «Рождество Аттикуса Пюнда»
- «Аперитив с цианидом»
- «Маки для Аттикуса»
- «Мистер Пюнд за границей»

Отзывы о книгах Алана Конвея об Аттикусе Пюнде

Все, чего вы ждете от английского детектива. Стильно, умно и непредсказуемо.

«Индепендент»

Смотри в оба, Эркюль Пуаро! В городе объявился умник-коротышка из-за границы, и он уже наступает тебе на пятки.

«Дейли мейл»

Я поклонник Аттикуса Пюнда. Он возвращает нас в золотой век детективной литературы и напоминает о том, с чего все началось.

Иэн Рэнкин¹

Шерлок Холмс, лорд Питер Уимзи, отец Браун, Филип Марлоу, Пуаро... чтобы перечислить всех великих сыщиков достаточно, наверное, пальцев одной руки. Что ж, для Аттикуса Пюнда вам понадобится лишний палец!

«Айриш индепендент»

Для отличной детективной истории нужен отличный сыщик, и Аттикус Пюнд — достойное пополнение в их рядах.

«Йоркшир пост»

У Германии появился новый посол. А у преступления — его величайший противник.

«Дер Тагесшпигель»

¹ *Иэн Рэнкин* (р. 1960) — шотландский писатель, автор романов и рассказов детективного жанра; наиболее известен цикл произведений об инспекторе Джоне Ребусе; часть произведений опубликовал под псевдонимом Джек Харви.

Алан Конвей явно общается с вселившимся в него духом Агаты Кристи. И я желаю ему удачи. Мне нравится то, что он делает.

Роберт Харрис

Он наполовину грек, наполовину немец, но прав всегда на сто процентов. Как его зовут? Пюнд. Аттикус Пюнд.

«Дейли экспресс»

СКОРО
В МАСШТАБНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ
ОТ БИ-БИ-СИ-1!

ЧАСТЬ I

ПЕЧАЛЬ

23 июля 1955 года

Предстояли похороны.

Два могильщика, старый Джефф Уивер и его сын Адам, встали спозаранку и обо всем позаботились. Могила была в точности нужного размера, земля аккуратно ссыпана на одну сторону. Церковь Святого Ботольфа в Саксби-на-Эйвоне никогда не выглядела прекраснее, утреннее солнце играло в витражах окон. Церковь вела свою историю с двенадцатого века, но, разумеется, не единожды перестраивалась. Свежая могила располагалась к востоку, близ развалин древнего алтаря, где буйно разрослась трава, а меж обрушившихся арок цвели ромашки и одуванчики.

В самой деревне царила тишина, улицы были пустыни. Молочник уже закончил развозку и исчез, позвякивая бутылками в кузове фургона. Разносчики почты завершили обход. Была суббота, так что на работу никто не торопился, а час был слишком ранний, чтобы домохозяйева занялись обычной рутинной выходного дня. В девять открывался деревенский магазин. От расположенной по соседству пекарни уже тянулся аромат только что вынутого из печи хлеба. Вскоре появятся первые покупатели. А едва закончится завтрак, заведет свою песню хор газонокосильщиков. Стоял июль, самый хлопотливый месяц для неугомонной армии обитающих в Саксби-на-Эйвоне садоводов, и в свете грядущей всего через месяц Ярмарки урожая уже шла подрезка роз, а кабачки тщательно обмерялись. В половине второго на деревен-

ской лужайке должен был состояться матч по крикету. Приедет фургончик с мороженым, для детей организуют игры, гости будут устраивать пикники перед своими машинами. Заработает кафе. Идеальный английский летний день.

Но не в этот раз. Впечатление создавалось такое, будто деревня почтительно затаила дыхание, ожидая, когда гроб отправится в путешествие из Бата. В данный момент его грузили на катафалк в присутствии торжественно-мрачных сопровождающих: пяти мужчин и одной женщины, старательно отводивших глаза друг от друга, словно неуверенных, куда им следует смотреть. Из мужчин четверо были профессиональными организаторами похорон из высокоуважаемой фирмы «Ланнер и Крейн». Компания эта существовала с викторианских времен, когда занималась по преимуществу строительными подрядами и деревообработкой. В те дни гробы и погребения были почти неприметным, побочным бизнесом. Но по иронии судьбы именно это направление выжило. «Ланнер и Крейн» уже не строили домов, зато их имя стало олицетворением достойных похорон. Сегодняшняя церемония была в высшей степени скромной. Катафалк представлял собой автомобиль, никаких вороных коней или пышных гирлянд. Сам гроб, хотя и добротной работы, сделан был, без всякого сомнения, из древесины дешевых сортов. На единственной табличке, скорее посеребрянной, чем серебряной, значилось имя усопшей и две главные даты:

Мэри Элизабет Блэкистон
5 апреля 1887 — 15 июля 1955

Жизнь этой женщины не была такой уж короткой, она захватила рубеж двух столетий, но оборвалась довольно внезапно. Отложенных Мэри на похороны денег не хватило даже на покрытие всех расходов, но это не имело значения, поскольку страховщики гасили разницу, и покойная была бы довольна, если бы увидела, что все происходит в соответствии с ее желанием.

Катафалк выехал точно вовремя, отправившись в восьмимильное путешествие, когда минутная стрелка указала на тридцать минут десятого. Двигаясь подобающим случаем неспешным аллюром, экипаж должен был прибыть на церковный двор в час. Будь у фирмы «Ланнер и Крейн» слоган, он гласил бы: «Никогда не опаздывать». И хотя двое едущих с гробом плакальщика и не замечали того, но более прелестный ландшафт трудно было себе представить: поля по ту сторону низкой каменной стены полого спускались к реке Эйвон, с которой им всю дорогу было по пути.

На кладбище у церкви Святого Ботольфа два могильщика озирали труды рук своих. Много слов можно найти о похоронах: глубоких, прочувствованных, философских. Но нельзя выразиться точнее, чем это сделал Джефф Уивер, когда, опершись на лопату и сворачивая мозолистыми пальцами самокрутку, обратился к сыну.

— Если уж соберешься помереть, — произнес он, — то более подходящего дня и представить трудно.

2

Сидя за кухонным столом в доме викария, преподобный Робин Осборн завершал приготовления к погребальной речи. Перед ним на столе лежали шесть страниц, отпечатанных на машинке, но уже пестрящих поправками, сделанными его угловатым почерком. Слишком длинно? На днях кое-кто из паствы сетовал, что его проповеди бывают затянуты, и даже епископ выказал признаки нетерпения во время обращения преподобного в день Пятидесятницы. Но в этот раз дело другое. Миссис Блэкстон всю жизнь прожила в деревне. Все ее знали. И наверняка готовы пожертвовать полчаса, а то и сорок минут, чтобы попрощаться с ней.

Кухня была просторной и светлой, плита фирмы «Ага» круглый год источала приятное тепло. На крючках были развешаны кастрюли и сковородки, здесь же хранились горшочки со свежими и засушенными растения-

ми. Собраны они были Осборнами лично. Этажом выше располагались две спальни, обе непритязательные и уютные, с пушистыми коврами, вручную вышитыми подушечками и новомодными световыми окошками в потолке, добавленными только после долгих консультаций с церковными властями. Но главным достоинством дома священника было его расположение: он стоял на краю деревни и смотрел на лесистую местность, известную тут как Дингл-Делл. Она включала луг, покрытый весной и летом цветами, дальше простиралась полоса собственно леса, за деревьями которого — по большей части то были дубы и вязы — скрывалась усадьба Пай-Холл: озеро, газоны и сам дом. Каждое утро Робин Осборн просыпался и любовался на вид, не перестававший приносить ему радость. Иногда ему казалось, что он живет в волшебной сказке.

Резиденция vicария не всегда была такой. Когда Осборны вместе с приходом унаследовали от дряхлого священника Монтегю дом, тот весьма подходил под описание жилища старого холостяка, будучи сырым и негостеприимным. Но Генриетта Осборн сразу пустила в ход свои магические способности. Она выбросила всю мебель, которую сочла некрасивой или неудобной, и прочесала все комиссионные магазины в Уилтшире и в Эйвоне в поисках подходящей замены. Ее энергия не переставала изумлять преподобного. Уже тот факт, что Генриетта согласилась выйти за приходского священника, вызывал удивление, но она еще и принялась исполнять свои обязанности с рвением, снискавшим ей уважение с самого их приезда. Нигде эта пара не могла обрести большего счастья, чем в Саксби-на-Эйвоне. Да, храм требовал ремонта. Отопление то и дело выходило из строя. Крыша опять протекла. Но паства была достаточно большой, чтобы удовлетворить даже епископа, а многих из верующих Осборны считали теперь своими друзьями. У них и в мыслях не было перебираться куда-то еще.

«Она была частью деревни. И хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам сле-

дует помнить о том, что оставила она после себя. Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли цветами эту самую церковь каждое воскресенье, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита».

Осборн попытался вызвать в памяти образ женщины, большую часть своей трудовой жизни проведшей экономкой в Пай-Холле. Низенькая, темноволосая, решительная, она всегда находилась в движении, как будто вела свой личный крестовый поход. Его воспоминания о ней были несколько расплывчатыми, поскольку, если честно признать, им крайне редко приходилось проводить время в одной комнате. Иногда они встречались на каком-нибудь общественном мероприятии, но не часто. Обитатели Саксби-на-Эйвоне не были в прямом смысле слова снобами, но в то же время не забывали о сословных различиях, и если викарий считался подходящим членом любой компании, эта привилегия не распространялась на особу, которая в конце дня должна была выполнять роль уборщицы. Вероятно, Мэри осознавала сей факт. Даже в церкви она старалась сесть на скамью в самых последних рядах. Предлагая помощь людям, она делала это с какой-то чрезмерной почтительностью, словно то была ее обязанность.

А может, все обстояло куда проще? Думая о Мэри и перечитывая текст, преподобный нашел, как описать ее одним словом. Назойливая. Несправедливо и неуместно было произносить его вслух, но Осборн вынужден был признать, что доля истины в этом есть. Мэри была из тех женщин, которые суют пальчик в любой пирог, включая яблочный и ежевичный, и ставила перед собой цель поддерживать знакомство со всеми в деревне. Каким-то об-

разом ей всегда удавалось оказаться там, где в ней нуждались. Проблема заключалась в том, что она оказывалась и там, где такой необходимости не было.

Осборну вспомнилось, как он застал ее в этой самой комнате не далее как две недели назад. Он злился на себя, поскольку этого следовало ожидать. Генриетта постоянно жаловалась, что он не запирает входную дверь, как если бы дом викария являлся всего лишь пристройкой к церкви, а не частным жилищем. Стоило прислушаться к жене. Мэри стояла, держа в руке бутылочку с зеленой жидкостью, словно некий средневековый талисман для отпугивания демонов.

— Доброе утро, викарий! — произнесла женщина. — Слышала, что вам досаждают осы. Я принесла мятное масло, оно поможет избавиться от них. Моя матушка в этом средстве души не чаяла!

Это было правдой — в доме водились осы. Но откуда Мэри про это узнала? Осборн не говорил никому, кроме Генриетты, а уж та точно не стала бы болтать. Впрочем, трудно что-либо утаить в таком мирке, как Саксби-на-Эйвоне. Каким-то неисповедимым образом тут все знают все обо всех, и есть поговорка: чихни у себя в ванной, и кто-то тут же протянет тебе носовой платок.

Увидев ее тогда, Осборн не знал, стоит ли ему благодарить или злиться. Он пробормотал «спасибо», но одновременно скосил глаза на кухонный стол. И точно, они были там, лежали среди кипы его бумаг. Сколько она пробыла в комнате? Заметила их? Мэри ничего не сказала, а ему, естественно, не с руки было спрашивать. Он как можно скорее выпроводил ее, и эта их встреча оказалась последней. Когда Мэри умерла, Робин и Генриетта находились в отпуске и вернулись к самым ее похоронам.

Услышав шаги, викарий поднял голову и увидел Генриетту. Она только что вышла из душа и еще не успела надеть банный халат. В свои почти пятьдесят она оставалась очень привлекательной женщиной с водопадом

каштановых волос и фигурой, которую каталоги модных товаров характеризуют как «пышная». Генриетта происходила совсем из другого мира — она была младшей дочерью богатого фермера, владельца тысячи акров земли в Западном Суссексе. И тем не менее, встретившись в Лондоне, на лекции в Уигмор-холле, молодые люди с первого взгляда прониклись взаимной симпатией. Они поженились без согласия родителей и с тех пор жили душа в душу. Единственным сожалением было то, что брак их не был благословлен детьми, но на то, разумеется, была Божья воля, и им пришлось принять ее. Эти двое были счастливы просто оттого, что они есть друг у друга.

— Думала, ты уже закончил, — сказала Генриетта, доставая из буфета мед и масло. Потом отрезала себе ломтик хлеба.

— Просто добавляю пару мыслей, пришедших в последний момент в голову.

— Ну, Робин, на твоём месте я бы не стала разглаживать. Сегодня суббота как-никак, и всем хочется поскорее освободиться.

— После мы собираемся в «Гербе королевы». В одиннадцать.

— Чудесно. — Генриетта поставила тарелку с завтраком на стол и плюхнулась на стул. — Сэр Магнус ответил на твоё письмо?

— Нет. Но я уверен, что он придет.

— Что ж, он явно не торопится. — Женщина наклонилась и пробежала взглядом по страницам. — Ты не можешь сказать так.

— Как?

— «Была жизнью и душой любого общества».

— Почему?

— Потому что это неправда. Если начистоту, я всегда находила Мэри очень скрытной, застегнутой на все пуговицы. Общаться с ней было совсем не просто.

— Она выглядела даже веселой, когда была у нас на минувшее Рождество.